

Михаил Артюшин

ШАХ И МАТ

Рассказы

Экзамен

Последний
выстрел

Фестиваль

Дуброва

Запевала

Последний
Новый год

Шах и мат

Жулькина
жизнь
без прикрас

12+

Михаил Артюшин
Шах и мат. Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Артюшин М.

Шах и мат. Рассказы / М. Артюшин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сюжеты рассказов драматичны, увлекательны. Герои рассказов переживают сентиментальные или экстремальные события, где автор показывает их психологию, жизненный опыт, заставляющий человека принять правильное с его точки зрения решение в сложившейся жизненной ситуации. Это делает повествование не поверхностным, фабульным, а глубоким, вызывает сопереживание читателя герою. Герои рассказов – мальчишки рабочих окраин иногда не имеют портретных характеристик. Автор оставляет в повествованиях лишь «говорящие» лучше всяких описаний их имена и клички. Действие рассказов происходит в мастерски выписанных пейзажах Урала. Это вносит определенный эпический фон в подчас головокружительное повествование.

Содержание

Экзамен	5
Последний выстрел	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Экзамен

Утро нового дня встретило поезд унылым пейзажем выжженной степи. Трое друзей ехали в одном купе плацкартного вагона. Еще два дня назад они сидели у костра на берегу озера, одноклассники, костяк их десятого «Б», учившиеся вместе с семилетнего возраста. Собравшись в последний раз вместе, после прошедшего выпускного вечера, они прощались друг с другом, встречая рассвет новой взрослой жизни. Все разъезжались по разным городам.

Михаил смотрел в окно, сидя за столиком на нижней полке, мысленно возвращаясь в тот вечер, на берегу озера, не замечая проплывающие за вагонным стеклом маленькие станции с одноэтажными, похожими друг на друга зданиями в окружении немногочисленных деревьев, выделявшихся зеленью крон на желтом фоне уходящей за горизонт степи.

Его Вера уезжала в Ленинград. Он в – Магнитогорск. С этим ничего уже поделать было нельзя. Они не спали в палатке всю ночь. Целовались. Договаривались о будущей встрече после вступительных экзаменов или на каникулах. Ее адрес он должен будет взять при первой возможности у ее мамы.

Веселый звон железных ложек, встрепенувшихся разом от раскачки вагона в трех тонких стаканах, устойчиво стоящих на столе в стальных подстаканниках, отвлек его от воспоминаний. Реальность в виде выжженной солнцем степи с очертаниями невысоких холмов, появляющихся иногда по ходу движения на ровной желтой поверхности в светлой дымке воздуха, проглядывалась за окном до самого горизонта.

* * *

Город за окном еще не просматривался, но вскоре, пересчитав громче обычного все стыки рельс на стрелках, состав возвестил проснувшимся пассажирам о прибытии на подъездные пути товарной станции. Через четверть часа, протиснувшись между прилипшими к дороге зданиями складов и пакгаузов, поезд плавно выкатился на первый путь и притормозил напротив здания вокзала Магнитогорска. В открытую дверь тамбура влетел поток воздуха с необычным привкусом дыма.

– Привыкайте, мужики! – сказал Михаил. – Это привет от комбината! Сначала непривычно, а завтра уже не будете замечать!

До здания института добрались на трамвае, проехав четыре остановки по улице Карла Маркса и пройдя наискосок парк, разбитый у городского главпочтамта между двумя главными улицами города, названными, как и во всех городах Советского Союза, в честь основателей учения марксизма-ленинизма.

Здание института с огромными окнами нависало своей монументальной мощью над прилегающей к нему главной площадью города и трибуной с расположенным в центре композиции каменным памятником вождю мирового пролетариата. Рука вождя была направлена в сторону уходящего вниз к реке широкого проспекта Metallургов с зеленым сквером посередине. Проспект спускался к реке, переходя в длинный мост с двухсторонним движением. Видны были красно-желтые трамваи, уходящие по темным полоскам рельсов на левый берег. Здания жилых домов в правой части площади закрывали вид на южный мост и начало металлургического гиганта. Виднеющаяся вдали синяя лента реки разделялась тремя длинными песчаными островами, вытянутыми вдоль течения с севера на юг. Разноцветные дымы всех цветов радуги клубились, закручиваясь в спирали, поднимались в небо над крышами цехов комбината из десятка разных по высоте и окрасу труб, от едва виднеющихся в размытом теплом воздухе корпусов прокатных станов и мартеновских цехов до чернеющих в конце центрального моста

громадин доменных печей. Подхваченные ветром, они мелкими клочками улетали в облака и растворялись в прозрачном небе, а пышущие жаром трубы отправляли все новые и новые завитки дыма всех цветов и оттенков.

Огромные, деревянные, резные двери главного входа были настежь открыты. В прохладном вестибюле парни быстро нашли приемную комиссию. Оформление на курсы прошло быстро. Вопрос с размещением решился также очень просто. Им выдали направление в общежитие строительного факультета. Общежитие находилось ближе к вокзалу. Пришлось возвращаться назад. Они пошли пешком, торопиться было некуда. За зданием Дворца культуры металлургов повернули налево и, пройдя небольшой скверик, подошли к ступенькам общежития.

Старое трехэтажное здание, построенное в послевоенные годы, с толстыми стенами, с башней, увенчанной остроконечным шпилем, надстроенной над главным входом и вестибюлем на уровне четвертого этажа, встретило их поначалу неприветливо. Сидящая на входе за фанерным желтого цвета барьером женщина в рабочем черном халате, в белом в горошек платочке, подвязанном под подбородком, при попытке пройти мимо нее в открытый кабинет коменданта общежития, строго сказала:

– Так! Что? Куды?! Нету там никого! – видя, что послушные парни остановились, уже мягче спросила: – Че надоть-то? Все разъезжаются!

– Да нам поселиться надо! – сказал Борис с чуть заметным возмущением.

Михаил молча протянул направление.

– Дуся, кто там?! – послышался голос из открытой комнаты коменданта.

– Идите! – махнула рукой в направлении кабинета вахтерша.

Так состоялось их знакомство с талисманом общежития стройфака – тетей Дусей.

* * *

В комнате с эркером стояли пять кроватей с тумбочками и два покрытые голубым пластиком стола. Слева и справа от входа находились встроенные шкафы с фанерными дверцами, покрашенными темно-коричневой краской, в хаотичном порядке на внутренних стенах были закреплены алюминиевые крючки. Поперек шкафа висела перекладина из обточенного черенка лопаты.

В комнате было душно. Распахнув все три окна, ребята начали устраиваться на новом месте. Вещи разместили в шкафах, сумки под кроватями, так как антресоли над шкафами оказались забитыми книгами и учебниками. Сидеть в такую погоду в общежитии не хотелось. Переодевшись, они вышли на улицу.

Местоположение общежития, как выяснилось после обхода окрестностей, было неплохое. В тридцати метрах от входа располагалась трамвайная остановка, отделенная от проезжей части темными, сваренными из труб, полукруглыми ограждениями. Напротив остановки на первом этаже дома находился магазин «Одежда». В витринах стояли в разных позах манекены. На фоне погасших окон магазина светлыми пятнами угадывались очертания их застывших фигур, белым цветом выделялись женские летние платья и рубашки на мужских костюмах.

На противоположной стороне улицы, напротив общежития, над первым этажом хрущевки-пятиэтажки красовались большие красные буквы «Гастроном». Огромные, ярко подсвеченные окна были украшены видами перевязанных бечевой колбас и прочей снеди. На углу следующего перекрестка виднелось здание почты.

В гастроном заходить не было смысла, так как в общежитии их еще ждали остатки домашних припасов, собранных в дорогу заботливыми мамами. Запрыгнув в первый подошедший трамвай, они направились знакомиться с городом.

* * *

Весь июль стояла хорошая погода. Над городом синело бескрайнее безоблачное небо. Каждое утро в восемь часов они выходили из общежития. По дороге забегали в рабочую столовую металлургического комбината, расположенного рядом с Домом культуры. Три квартала по улице Ленина, мимо главпочтамта – единственного места, где можно было из автомата позвонить по межгороду, – они преодолевали в течение десяти минут и успевали подойти к зданию института точно к началу занятий.

К середине дня город изнемогал от жары. Асфальт на тротуарах становился мягким. К вечеру небо постепенно принимало темные краски, и каждую ночь, редко когда через день, удивительным образом последствия дневной жары смывались ночным дождем. После занятий они, как правило, шли на городской пляж. Вечером возвращались в общежитие, по пути забегая в рабочую столовую.

Знания в головах абитуриентов постепенно пополнялись и закреплялись. Наступил момент, когда в приемной комиссии появилась информация о времени и месте проведения предстоящих вступительных экзаменов. В общежитии стали появляться новые лица. Ежедневно вахту тети Дуси штурмовала прибывавшая абитура, загораживая проход и вестибюль чемоданами, баулами и рюкзаками. Вновь прибывшие расселялись, устраивали быт, знакомились с институтом и городом, и по утрам и вечерам общежитие уже гудело и шумело, как растревоженный пчелиный улей. Утром входные двери хлопали каждую минуту, отсчитывая количество выходящих жителей общежития, спешащих на последние занятия подготовительных курсов и не совсем спешащих, идущих неуверенной поступью по незнакомым улицам в приемную комиссию высшего учебного заведения под названием горно-металлургический институт. Вечерами из всех раскрытых окон доносились звуки музыки, звучащей из катушечных магнитофонов или динамиков настенного радио, голоса парней и звонкий девичий смех. На вечерние телевизионные программы народ собирался в вестибюле общежития, принося с собой стулья из своих комнат, рассаживаясь рядами перед экраном телевизора, как в кинотеатре.

Наконец в фойе института на стенде приемной комиссии появилось расписание экзаменов. Первым экзаменом была литература.

– Что-нибудь напишем! – сказал Михаил, глядя на расписание предстоящих экзаменов. Больше его волновали математика и физика.

– Завтра в девять ноль-ноль, аудитория 121, это где горный факультет! – подытожил Борис. Готовиться к этому экзамену друзья не стали и остаток дня провели на пляже.

Вечером после ужина в комнате царил обычная обстановка. Михаил сидел за столом, писал на тетрадном листке письмо домой. Борис лежа на кровати читал книжку. Санек то и дело подходил к окну, закуривая очередную сигарету, задумчиво глядя на улицу сквозь редкие просветы в зеленой листве вяза, закрывавшего окно своей кроной. Солнце пробивалось сквозь листву последними лучами багрового заката. Ветра не было, и жар от нагретого за день солнцем асфальта поднимался вверх и, казалось, застыл в воздухе, в листве деревьев, постепенно нагревая открытые окна и проникая через них во все помещения старого здания. Вместе с горячим воздухом комната постепенно наполнилась и табачным дымом. Белое табачное облако плавало под потолком комнаты.

– Сань, кончай курить! – сказал Михаил, обращаясь к Чудину.

– Фу-у! Надымил! Чудило, ты че надымило? Курить на улице будешь! – поднялся с кровати Борис. – Давайте хоть проветрим! – добавил он, открывая двери в коридор. Посмотрев на Саньку, завалившегося на кровать, сказал: – Чем курить, найди у кого-нибудь учебник литературы и почитай. Может, завтра и пригодится на сочинении!

– Мишаня! Пошли вниз, новости посмотрим! Пусть пока проветривается!

Спускаясь на первый этаж, Михаил сказал Борису:

– Психует Санек! В школе ему тройку преподы натянули, а здесь он понимает, что шансов нет!

Друзья вернулись в комнату минут через двадцать. Дверь была открыта, но проход в комнату был загорожен столом. На столе стоял Александр. Приподнимаясь на носках, он выуживал из верхней части шкафа очередной учебник. Так продолжалось минут пять. Наконец, терпение Александра было вознаграждено. Он спрыгнул со стола, держа в руках учебник литературы. Ребята отодвинули стол, зашли в комнату.

– Что откопал? – поинтересовался Борис.

В ответ Санек протянул запыленный, в паутине учебник.

– Литература! – Борис смахнул с изломанной по краям толстой обложки паутину, – выпуск 1947 года! Это ж музейный экспонат! На фиг ты его достал?

– Ладно. Посмотрим! Здесь пылится, там сгодится! – с тонкой ноткой злости, прозвучавшей в голосе, неожиданно в рифму ответил другу Александр.

– Ну, ты Пушкин! Александр Сергеевич! – засмеялся Михаил.

– Я и по паспорту Сергеич! – огрызнулся Санек.

– Да мы в курсе!

* * *

Вот и наступил день первого экзамена. Привычной дорогой друзья шли в сторону института немного раньше обычного. Волнение, конечно, присутствовало.

– Давайте хоть аудиторию заранее найдем! – предложил Михаил.

– Опаздывать сегодня нельзя! Миня прав! – поддержал друга Борис.

– Я вообще хочу первым войти, чтобы заднюю парту занять! Может, что спишу! – Чудин рукой похлопал себя по животу, где учебник литературы, отозвавшись на постукивания барабанным, картонным эхом, напомнил о себе. С утра он поменял прописку – переселился с душных, пыльных антресолей в тесные, темные, но теплые «апартаменты» под пиджаком, между Санькиным животом и брючным ремнем.

* * *

Санек Чудинов стоял у дверей самой большой аудитории горного факультета, карауля свою очередь на сдачу экзамена. Борис с Михаилом слонялись по широкому коридору, рассматривая развешенные на стенах фотографии угольных разрезов и шахт. Вскоре в точно назначенное время дверь аудитории отворилась. Пожилая женщина строгого вида в темных роговых очках, окинув взглядом толпу абитуриентов, громко объявила:

– Внимание! Заходим по одному. Темы сочинений будут написаны на доске!

– Молодой человек! Вы первый! Проходите, пожалуйста! – обратилась она к Чудину, и Санек, как и планировал, первым зашел в аудиторию. Через пять минут, в порядке очереди, на экзамен попали и Михаил с Борисом. Им достались места на предпоследнем ряду. Чудина на задних партах не было.

«Где же он?» – подумал Михаил и, окинув взглядом ряды столов, увидел Чудина на первой парте, напротив стола преподавателей! Он сидел у окна в неподвижной позе. Борька тоже увидел друга и, посмотрев на Михаила, помотал головой: «Ну и ну!»

Ничем в этой ситуации они другу помочь уже не могли. Оставалось выбрать тему сочинения, раскрыть ее и постараться написать без ошибок.

Одна тема была по повести Максима Горького «Мать», другие два варианта сочинений были на свободную тему. В течение трех часов Михаил, иногда отвлекаясь от творческого процесса, наблюдал за Чудиным и видел, что тот старательно и медленно что-то все-таки пишет в тетрадке, иногда отрываясь от написания, задумчиво, подолгу глядя в окно. «Ну, что будет, то будет!» – подумал он и продолжил экзаменационную работу.

Время, отведенное на сочинение, подходило к концу. На удивление, Чудин сдал свою работу одним из первых и вышел из аудитории. Через полчаса Борис с Михаилом тоже вышли в прохладный коридор. Чудина они нашли в курилке.

– Ну что? Написал? – почти одновременно спросили они коллегу по перу.

Затянувшись сигаретой, он мотнул головой, выдохнул из легких столб дыма и выпалил:

– Написал!

* * *

Утро следующего дня было для них необычным. Проснувшись и собравшись в институт, они почти не разговаривали с друг другом. Было понятно, что каждый переживал за оценку. Все-таки первый экзамен!

Стенд в приемной комиссии был увешан листами бумаги, на которой темными плотными столбцами чернели фамилии абитуры. Правее фамилий синими чернилами были выведены оценки за сочинение. Михаил нашел себя в первом списке, в ряду фамилий, начинающихся на первую букву алфавита. Жирная цифра четыре и дополнительно прописью в скобках «хорошо» красовались напротив его инициалов! На сердце отлегло. На четверку он и рассчитывал, прекрасно понимая, что оценка «отлично» ставится исключительно за сочинение без единой ошибки. Подошел улыбающийся Борис:

– Мишаня! У меня «хор»!» – объявил он свою оценку.

– У меня тоже четыре балла! – ответил Михаил.

В этой суматохе они совсем забыли про Чудина.

– Смотри! Вон Санек! – увидел друга Борис с высоты своего роста в толпе, скопившейся у списка оценок.

Протиснувшись к последнему списку, они нашли колонку фамилий на «Ч». Чудин стоял рядом и смотрел на список широко открытыми глазами.

«Что там – двояк, трояк?» – подумал Михаил, ища фамилию друга на стенде. Напротив фамилии Чудинова стояла цифра пять и рядом красовалось «отлично»! Это была чуть ли не единственная на весь поток поступающих пятерка за сочинение!

Секрет успеха Санек поведал друзьям по дороге домой. Будучи насильно усаженным преподавателем за первый стол, он сначала загрустил, но потом сумел устроить учебник литературы в нише стены, рядом с батареей. Название заданной темы сочинения «Павел Власов – как представитель рабочего класса» он обнаружил в учебнике.

Тщательно переписав своим каллиграфическим подчерком текст, вплоть до точек с запятой, тире и прочих знаков препинания, он умудрился забрать учебник с батареи, засунуть на глазах преподавателей обратно за пазуху, сдать сочинение и выйти с экзамена!

Посоветовавшись, друзья решили секрет успеха Александра, как творца сочинений по произведениям советских классиков, до поры до времени никому из новых знакомых не выдавать!

Три следующих дня пролетели незаметно. С утра до позднего вечера друзья читали конспекты, на третий и четвертый раз пролистывали учебники.

Экзамен по физике проходил проще. Друзья в этот раз оказались в одном ряду, на соседних партах. Подготовив свои письменные ответы, Борис и Михаил написали решения задач и ответы Александру. Не зря они месяц ходили на курсы подготовки! В итоге за экзамен по

физике Саня получил тройку, Михаил четверку, а Борис – пять! Повеселевший Санек уже вечером говорил: «Вперед! Даешь математику!»

Письменный экзамен по математике проходил в привычной им аудитории, где в течение месяца шли занятия подготовительных курсов. Помещение находилось над вестибюлем института, и из окон аудитории видна была площадь, проспект и комбинат!

Друзьям не повезло с самого начала. Преподаватели рассортировали их троицу по разным рядам. Каждый ряд выполнял отдельный вариант письменного задания. Все продумали преподаватели горно-металлургического института, но не знали про уникальные способности абитуриента по фамилии Чудинов списывать контрольные работы.

Михаил пару раз оглядывался вполоборота на Саньку, который сидел через проход от него. Один раз Александр его взгляда не заметил. Михаил увидел только, что тот, подперев лоб левой рукой и ладонью прикрыв глаза, правой что-то записывает в тетрадь! «Скатывает!» – подумал Михаил. Второй раз, оглянувшись, он увидел, что Чудин сидит, положив авторучку. Увидев, что Михаил обернулся в его сторону, Санек приподнял большой палец правой руки, лежащей на столе. Жест был понятен без слов: «Все нормально!»

В аудитории постепенно рабочая тишина уступала место небольшому шевелению и шуму. Некоторые абитуриенты завершили решение уравнений и задач. Кто-то начинал перепроверять выполненную работу. Несколько человек сдали свои задания и вышли в коридор. В это момент в зал вошел стройный средних лет мужчина. Черноволосый, кудрявый, он энергичной походкой прошел к столу преподавателей. При его появлении они встали и вышли из-за стола.

Слышно было, как он спросил: «Как дела?» – на что одна из принимающих экзамен, назвав его по имени и отчеству, что-то сказала ему вполголоса и показала на небольшую стопку сданных работ. Добавив еще одну фразу, она сопровождала ее плавным жестом руки и направила его внимание на сидящих за партами абитуриентов.

В этот момент все находящиеся в аудитории либо наблюдали за этой сценой, либо, наклонив головы, трудились над цифрами в своих тетрадях, и только один человек смотрел в сторону соседа и неприкрыто списывал что-то с его тетради. Это был, конечно, Чудин!

Заметив, что в правом ряду один молодой человек явно списывает, мужчина энергичным шагом подошел к столу, где сидел Санек и еще двое парней, несколько секунд он смотрел на разложенные на парте листы, черновики и, видимо, приняв решение, взял лежащую перед Чудиным тетрадь. Забрав тетрадку, мужчина вернулся к преподавателям. Еще раз пролистав страницы, он показал содержимое тетради стоящим у стола коллегам: тот ли вариант задания выполнен абитуриентом. Получив от них утвердительный ответ, положил тетрадку на стол, в стопку ранее сданных работ.

Чудин сидел на своем месте, закрыв голову двумя руками. Обернувшись в зал, мужчина вдруг громко сказал:

– Молодой человек, я вас не задерживаю! Можете идти!

Александр вмиг покраснел и как-то неловко собрал со стола ручку, черновики, уронив на пол несколько листов. Наклонившись, он собрал их, смял в комок и, засунув в боковой карман пиджака, медленной походкой, не оборачиваясь, дошел до двери. На секунду остановился, видимо, осмысливая произошедшее, затем с досады пнул дверь ногой и вышел в темную прохладу бетонного коридора.

Прошло минут двадцать. Абитуриенты выкладывали свои работы на преподавательский стол, где теперь уже во главе комиссии сидел мужчина, выгнавший Чудина с экзамена. Судя по манере поведения, он явно являлся руководителем или одним из старших преподавателей математики в институте. Стопка лежащих перед ним на столе работ заметно выросла. Тетрадка Чудина в числе прочих дожидалась своей участи в самом низу, под добрым десятком других.

Время шло, нужно было сдавать то, что за три с половиной часа наработано и решено. Вот уже и Борис, щелкнув авторучкой, убрал ее в нагрудный карман пиджака, закрыл тетрадь и положил на нее ладонь. Зная Борьку, Михаил сразу понял, что означает этот жест – у друга все решено правильно, и он доволен проделанной работой. Посмотрев на Михаила, Борис кивнул головой в сторону стола преподавателей, приглашая и его встать на выход. Михаил в ответ кивнул, при этом поднял указательный палец, что означало: «Минуту, сэр!»

Далее события разворачивались стремительно. Неожиданно дверь в аудиторию резко распахнулась. Другам было видно, как из дверного проема в аудиторию заглянул Чудин. Бросив взгляд на друзей, он посмотрел на преподавателя и, не говоря ни слова, пальцем поманил его на выход. Это было так необычно, что все находящиеся в аудитории опешили.

– Что это такое?! – возмутилась одна из преподавательниц. – Не ходите, Василий Иванович!

Мужчина был не из робкого десятка. Он встал из-за стола, жестом усадив хотевшую выйти вместе с ним сотрудницу:

– Успокойтесь, Фаня Давыдовна! – и вышел из аудитории, закрыв за собой дверь.

Ожидание было недолгим. Через минуту преподаватель влетел обратно в аудиторию, громко и зло ругаясь: «Бандитов в институт пускают!»

Направившись напрямик к рабочему столу, он лихорадочно начал перебирать стопку экзаменационных работ, пока не нашел работу Чудина. Схватив тетрадку, он быстрым шагом вышел из аудитории.

– Сдавайте работы! – объявила Фаня Давыдовна. – Время вышло!

Она стояла у стола и сама принимала из рук в руки от выходивших абитуриентов их экзаменационные работы.

Михаил с Борисом пошли искать друга. Ни в коридоре, ни в буфете, ни в курилке Чудина не было. Они увидели его, выйдя на улицу. Санек сидел на скамейке и курил. Посидели, помолчали. Первым не выдержал Чудин:

– Ладно! Нет, так нет! Домой поеду!

– Сань! Он твою работу унес куда-то! – сказал Михаил.

– А как он ее нашел? – удивился тот.

– Как, как! Ты тетрадь подписал своей фамилией? Подписал! Вот он и запомнил!

– Ты что ему там наговорил-то? – с досадой спросил Михаил. – Он же, как бешеный, забежал и давай твою тетрадь искать.

Санек молча достал из кармана пачку сигарет, нервно закурил и после первой затяжки ответил:

– Сказал ему, что я его сегодня зарежу!

– У тебя что, мозги поплыли?! – плюнув в сердцах на землю, крикнул Михаил.

– Да, дело пахнет керосином! – приуныл Борис.

– А че будет-то?! – не унимался Санек.

– В милицию может заявить, вот «че»! – передразнил друга Борис.

– Одно пока понятно – кол по математике тебе обеспечен! – Михаил встал со скамейки, разгорячившись и расстроившись от такой глупой выходки друга, и продолжил разнос: – Он же твой вариант просмотрел, преподам показал и в стопку положил! Ты видел?

– Видел!

– Что там у тебя решено было? Все скатать успел?

– Все!

– Ну так зачем ты его в коридор-то вызывал?!

– Не знаю! Я думал, все – завалил!

– «Завалил»! – передразнил друга Борис. – Работу в общей массе проверили бы – и все! Глядишь, если все правильно, может, был бы трояк или четвертак! А ты теперь сам себя и завалил! Чудо!

Михаил присел на скамейку, нервно постукивая ногой по асфальту.

– Пить охота! – после долгой паузы сказал Чудин.

– Обедать-то будем? – спросил друзей Михаил.

– Что-то в столовую не хочется, жарко! – ответил Борис.

– Я вообще есть не хочу! – поддержал Бориса Чудин.

– Пошли на пляж! По дороге что-нибудь придумаем! – предложил Михаил.

По дороге Чудин придумал зайти в пивной бар. Выпив залпом пол-литровую кружку пива, утолив жажду, Санек расслабился и немного успокоился. Вскоре вся компания, выпив по паре кружек пива, пришла в нормальное расположение духа. Михаил с Борисом уже не кипятились на своего друга за неудачную выходку. Ясно было, что их товарищ попал в неприятную ситуацию и теперь нуждается в помощи и поддержке самых близких ему в этом городе людей.

Этот день они провалялись на пляже до темноты, покупая в буфете на пляже пирожки с картошкой, булочки, газировку, а ближе к вечеру горячий чай. Утомленные солнцем и усталые от событий такого длинного дня, парни возвращались в общежитие в темноте летнего вечера.

В фойе общежития несколько человек смотрели телевизор. Тетя Дуся, оторвавшись от вязания шерстяных носков, подняла глаза поверх очков, недовольно ворча:

– Вот гуляки-то! Где вас черти носят?! Тут коменданту весь день телефон обрывали, все Чудинова ищут! Набедокурил чего, что ль?

– Теть Дусь, что случилось? – спросил Борис.

Тетя Дуся выделяла Борьку среди всех парней и довольно благосклонно к нему относилась.

– В приемную комиссию ему завтра, Шурику вашему, надоть! – завершила она свою тираду. Подтянув клубок коричневой шерсти, она поправила на носу очки и поддела спицей очередную петельку темно-коричневого шерстяного носка.

Душ в подвале еще работал, был как раз мужской день. Смыв пляжный песок с кожи, остатки проблем тяжелого дня, парни вернулись в комнату, плюхнулись на кровати. Вскоре загулявшая компания спала крепким сном. Поставленный Михаилом на кухне чайник громко булькал, кипел, возмущенно звеня металлической крышкой. Сняла чайник с плиты тетя Дуся во время вечернего обхода своих владений.

– Пусть теперь утром поищут свои чайники! Вот я им утром мозги-то почищу! – ворчала она, уже сидя на вахте, наливая в граненый стакан, стоящий в узорчатом серебристом подстаканнике, кипятка. – Господи, спаси и помилуй чадов своих грешных! – перекрестилась она на маленькую иконку, висящую в правом углу.

* * *

В приемной комиссии документы Чудину вернули не сразу. Два дня друзья сопровождали Чудина до приемной комиссии. У центрального входа и в вестибюле они несколько раз за это время встречались лоб в лоб с тем самым преподавателем, которого Чудин пообещал зарезать. Оказалось, что это был заведующий кафедрой высшей математики, профессор, доктор наук. При встрече Чудин первым заметил у него на руке татуировку в виде морского якоря. В общем, как потом выяснилось, профессор был мужик боевой, служил после войны пять лет на флоте.

Саньку пришлось писать объяснительную, где он объяснил свой поступок огромным желанием поступить в институт и приносил свои извинения за этот хулиганский поступок. Заведующий кафедрой математики, видимо, простил его, и Шурика отпустили с миром. Чудин

уехал домой. Борис с Михаилом сдали вступительные экзамены и были зачислены на строительный факультет. Осенью они приезжали на родину, но Александра увидеть не смогли. Семья Чудиновых к тому времени переехала в Орел.

Михаил забежал домой к Вере. Верина мама дала ему адрес общежития Ленинградского технологического института.

Осенью ребята с факультетом уехали на уборку картошки в село Гумбейка, названного по имени речки, протекавшей через центральную усадьбу совхоза.

Санек с тех пор друзьям ни разу не позвонил и писем не писал. Позже знакомые ребята говорили, что его призвали в армию. Больше своего друга они не видели. Со временем вся эта история стала забываться, но в октябре начались занятия, и довольно часто в институте профессор-моряк встречался им то на улице, то в коридорах, при этом друзья ощущали на себе его колючий взгляд.

– Боря! По-моему, он нас запомнил! – первым поделился мыслями с другом Михаил, после того как они почти столкнулись с ним на улице Ленина, на повороте к институту, в ста метрах от входа в корпус горного факультета.

– Не забывается такое никогда! – пропел Борис в ответ. – Поживем – увидим!

В напряженной учебе прошел первый семестр. День у ребят обычно начинался в половине седьмого утра. К семи часам Михаил с Борисом бежали на утреннюю тренировку в спортзал. Лекций, занятий, как правило, было четыре пары, после они шли в общежитие, обедали по дороге в столовой металлургического комбината. Оставалось немного времени на подготовку, отдых, а вечером они спешили на тренировку сборной по баскетболу. Вечерами друзья чертили чертежи, выполняли курсовые работы. Михаила часто можно было видеть за столом, где он засиживался допоздна, старательно заполняя тетрадный листок, затем выводя на конверте ленинградский адрес Веры.

Отгремели салютами новогодние праздники. На улицах города хозяйничали залетные степные вьюги, застилая улицы принесенным с полей снегом, выстуживая дома крещенскими морозами, разукрасившими стекла в домах.

Друзья сдали зимнюю сессию. Зимние каникулы провели дома. На вечер встречи выпускников, традиционно проходивший в феврале, их класс собрался уже не в полном составе. Не было Веры и Чудина. После новогоднего поздравления писем от Веры не было. Михаил понимал, что это связано с экзаменами. Он написал ей, что будет ждать ее приезда домой, на каникулы.

Вернувшись в Магнитогорск, друзья втянулись в привычный ритм тренировок и учебы. Михаил продолжал настойчиво писать письма Вере, отправляя конверты с главпочтамта, не доверяя свою переписку висящим на стенах домов, замерзшим в морозном воздухе, синим железным ящикам с надписью «почта». Заходя с улицы в общежитие, он первым делом смотрел разложенные на столе у вахты письма. Но время шло, и отсутствие ответных писем от Веры вынуждало его прекратить бесплодные старания. Последнюю открытку он отправил к Восьмому марта. На этом одностороннюю переписку он решил завершить.

Закончился учебный год. Пролетело в Казахстанских степях стройотрядовское лето. До начала учебы оставалась неделя, и они приехали из стройотряда домой, возмужавшие, загорелые, обросшие. Михаил отпустил бороду. Вот в таком виде, прямо с поезда, он хотел забежать домой к Вериней маме. Оставив рюкзак и гитару у Бориса, он пошел мимо школы, не дожидаясь трамвая, в сторону Вериного дома. На подходе к школе он неожиданно столкнулся нос к носу с Ириной.

– Привет! Миш, ты, что ли? – удивленно спросила она.

– Привет, Ирин! Это мы с Борькой только что с поезда, из стройотряда! К Вере домой хочу зайти, узнать, как у нее дела. Не пишет давно, – выпалил он.

– Пойдем до остановки! Мне тоже в ту сторону! – предложила она. – Где это вы так загорели? – поддержала она разговор.

– В Казахстане, Ирин! В совхозах целинные объекты строили! – ответил он.

Они прошли еще метров двадцать. Разговор не клеился. Он чувствовал, что Ирина внутренне как-то напряжена. Вот она неожиданно остановилась и, не смотря в его сторону, сказала:

– Не ходи к Вере! – затем медленно повернулась к нему лицом, поправляя локон русских волос. «Почему это?» – чуть не сорвалось у него с языка, но Ирина уже произнесла мучительные для него слова: – Замуж она вышла! Еще весной!

Наверно, наступившая пауза была очень длинной. Михаил застыл, соображая, что ему сейчас делать. Идти вперед или назад? Бежать? Куда бежать? Он же шел к Вере. А теперь туда идти незачем! Вера!.. Понятно теперь, почему она не писала! Стало неожиданно очень жарко. Он снял стройотрядовскую куртку.

– Миш, ты чего? – заволновалась Ирина.

Михаил в ответ махнул рукой, повернулся, закинул куртку через плечо и медленно пошел обратно.

Вечером он купил несколько бутылок портвейна и шоколад. Во дворе дома, между двух пятиэтажек, он сидел на скамейке, за деревянным столом, в окружении друзей по двору, до самой темноты, и потом, при свете прожектора, освещавшего площадку с крыши, до поздней ночи играл на гитаре песни, привезенные от костров стройотряда. Вечер был по-летнему теплый, спешить было некуда. Спрятав свои переживания, он пел для друзей, не подавая виду, шутил, лихо пил портвейн, отгоняя от себя навязчиво лезущие в голову мысли о Вере, и прощался с первой любовью. Ближе к ночи он впервые в жизни напился.

* * *

В сентябре весь второй курс стройфака был направлен на картошку. До середины октября Михаил с Борисом бороздили заснеженные совхозные поля в компании трактора-погрузчика, отрывая с погрузчиком заполненные картофелем контейнеры от матушки-земли и высыпая их содержимое в кузова стоящих в очереди автомашин. Полтора месяца жизни на природе, напряженная работа, спартанские условия проживания на нарах, под крышей огромного склада, приютившего на ночлег две сотни девчонок и парней, стали для Михаила спасением от мучавших его переживаний. Степные ветры, веселая атмосфера, царящая каждый вечер, хохот от «соленого» анекдота выносил настежь двери и грозил снести крышу бывшего зернового амбара. Все это вместе с лучшим лекарством от душевных мук под названием «время» постепенно делали свое дело. Сердечная рана медленно-медленно, но затягивалась.

В одно прекрасное утро окрестные поля окончательно покрылись снегом, и факультет вернулся в альма-матер на учебу, оставив овощеводов совхоза один на один с проблемой уборки оставшегося на полях урожая.

* * *

Прочитав расписание лекций, вывешенное огромной белой простыней на стене, напротив гардероба на цокольном этаже главного корпуса, Михаил позвал Бориса:

– Смотри! Высшая математика! Лектор – заведующий кафедрой! Фамилию видишь?!

– Вижу, Мишаня, не слепой!

В течение двух семестров оба друга, сидя на лекциях профессора, усердно конспектировали все, что тот доходчиво и толково доводил до студентов. В отличие от других преподавателей, на лекциях у профессора-моряка не было скучно. Он умел увлечь аудиторию, читал каждую лекцию с увлечением и всегда охотно отвечал на вопросы, в том числе иногда и на

отвлеченные от основного предмета. На семинарах у других преподавателей, поменьше рангом, друзья еще усерднее грызли гранит науки, вникая в интегралы, производные и прочие премудрости высшего курса математики.

Учебный год второго курса оканчивался хлопотами по сдаче курсовых работ и зачетов. Последним в графике весенней сессии для четвертой группы стройфака стоял экзамен по высшей математике. Настроение предстоящего летнего отдыха чувствовалось повсюду. Уже пустые аудитории и почти безлюдные бесконечные коридоры горно-металлургической кузницы инженерных кадров напоминали о том, что наступили каникулы. Пора и преподавателям отдохнуть от любимых студентов, да и студентам пора с пользой провести два летних месяца, набраться сил для предстоящего нового учебного года! В фойе уже неделю висел список сформированного на базе стройфака стройотряда. Светло-зеленые стройотрядовские куртки с оранжевыми нашивками, сапоги, рабочие рукавицы сложены в рюкзаки. Гитара на стене, отсвечивая полированной поверхностью солнечные блики, напоминала о будущих вечерах у летних костров. «Скорее бы сдать эту высшую математику!» – повторяли друзья при каждом удобном случае.

И вот наступил судьбоносный день. Группа С-73–4 по одному заходила в аудиторию. Студенты, поздоровавшись с преподавателем, клали зачетные книжки на стол, выбирали экзаменационный билет и рассредоточивались по аудитории, занимая свободные парты.

– Боря! Я пошел! – сказал Михаил, взявшись за ручку двери.

– Ни пуха! – хлопнул его по плечу Борис.

– К черту!

Подойдя к столу, Михаил поздоровался.

– А! Вот и последний из могикан! – неожиданно громко приветствовал его профессор.

Положив на стол зачетку, Михаил подумал: «Причем здесь последний из могикан?!» – и потянулся за лежащим с краю билетом. Но тут профессор неожиданно опередил его движение, прихлопнув выбранный Михаилом билет своей пятерней. Морской якорь на запястье профессорской руки, с двумя заостренными, загнутыми краями, ярко выделялся на коже на фоне манжета белой рубашки. Рука бывшего моряка прижала билеты к зеленому сукну стола, и Михаилу на секунду показалось, что своими темно-синими, жирными линиями якорь всей своей тяжестью намертво придавил разложенные по столу в ряд билеты.

– Ан, нет! Билета я вам не дам! Присаживайтесь вот сюда! – рука профессора оторвалась от стола и, повторяя направление, выбранное синим якорем, указала на первую парту, в двух метрах от профессорского стола.

Михаил растерялся от неожиданности, посмотрел на ребят, сидящих за партами и наблюдающих за этой сценой, повернулся в сторону входной двери и, выдержав секундную паузу, взяв себя в руки, медленно сел на указанное место.

Профессор тем временем взял чистый лист бумаги и что-то начал на нем писать.

Открылась дверь аудитории. Борис, убедившись, что можно заходить, бодрым шагом подошел к экзаменационному столу.

– А! – радости профессора не было предела! – Вот и еще один могиканин!

Ничего не понимающий Борис положил зачетку рядом с зачеткой Михаила и занес руку над билетами, гадая и выбирая билет, как свою судьбу, на ближайшие три часа. Рука профессора тоже зависла над столом, пытаясь наложить вето на белый ряд заветных листков, но в последний момент морской якорь наполовину закрылся манжетой рубашки, и карающая длань опустилась на другой край стола.

– Ладно! Берите билет! – смиловился он к очередному представителю «племени могикан».

Выбрав билет, Борис прошел мимо Михаила, высоко подняв брови, всей мимикой спрашивая: «Что случилось?!» – Михаил в ответ в отчаянии махнул рукой, мол: «Все! Труба!»

Через пару минут профессор встал и положил перед Михаилом два листа бумаги, сверху до низу исписанные синими чернилами.

– Решишь – будем дальше разговаривать!

От такой несправедливости Михаилу стало тоскливо. «Пятнадцать уравнений! Что делать? – рассуждал он про себя, взвешивая все за и против, – встать и уйти? Но все равно сдать-то когда-нибудь надо! Не бросать же учебу!»

Представив на миг огорченное лицо матери, если он вдруг вернется домой, исключенный из института, подумал: «Два года я готовился к этому экзамену! И все коту под хвост?!» Проснувшаяся в нем злость на эту несправедливость помогла ему сосредоточиться. Решение уравнения он аккуратно записал на чистый лист бумаги и перешел к следующему заданию.

Прошло три часа. Группа сдавала экзамен, и аудитория постепенно пустела. Студенты, по очереди подсаживаясь за стол к экзаменатору, отвечали на вопросы по билетам. Просматривая решения, определяя уровень знаний сидевшего перед ним студента, иногда задавая дополнительные вопросы, профессор выставлял отметки в зачетные книжки. К тому времени Михаил решил все предложенные ему заведующим кафедрой в качестве испытания пятнадцать заданий. Торопиться в его положении смысла не было, он решил не тянуть кота за хвост, встал из-за парты и протянул через стол исписанные листы бумаги профессору, как бы спрашивая: «Дальше-то что?»

– Ну-ка, посмотрим, что у вас тут, коллега! – заметил профессор.

Просматривая один за другим листы контрольной работы, он жестом пригласил Михаила присесть на стул, стоящий с другой стороны стола. Он видел, что контрольная решена без ошибок. Не выпуская листы из рук, он уже оценивал экзаменуемого студента по внешним признакам как человека. Этот голубоглазый блондин со шрамом на щеке под правым глазом, приехавший поступать два года назад, еще тогда показался ему лидером бандитской шайки. Слишком уверенно он вел себя тогда в приемной комиссии. Тот самый Чудинов, он до сих пор помнил эту фамилию, видно было, что слушался его безоговорочно! Несколько последующих встреч на улице с этой компанией окончательно убедили его в этом предположении. Даже уверенная поступь, чуть впереди своих спутников, выдавала в нем лидера. За прошедшие два года старая обида и негодование от хулиганского поступка пацана, с прилизанными волосами, злыми, сверкающими глазами и «ножом за пазухой», уже утихли. В приемной комиссии он смотрел его документы. Типичный троечник, с одной пятеркой по физкультуре. Как он умудрился получить «отлично» за вступительное сочинение?

А сейчас ему импонировала реакция этого «главаря» на устроенную им предварительную проверку знаний. Другой бы раскис, а этот собрался, достойно повел себя. Опять видна уверенность в своих действиях. По опыту он знал, что уверенность студента всегда подкреплена только прочным знанием предмета. Он окинул взглядом десяток разложенных на столе зачетных книжек и взглянул на часы. Да, время еще есть! Он любил экзамены за эти минуты торжественности, висящего в воздухе напряжения от ответственности за последствия, наступающие в результате проверки знаний студентов. Он любил эти минуты общения на экзаменах за их непредсказуемость, своеобразную лотерею для студентов, приносящую кому удачу, а кому и разочарование.

С циферблата часов его взгляд соскользнул на запястье, на татуировку со словом «Справедливый».

Некстати и не вовремя пришли на память серые, стремительные линии эсминца, стоящего на рейде в Финском заливе. На минуту задумавшись, он вспомнил себя двадцатитрехлетним.

* * *

Была весна. Катер пришвартовался к причалу, и он, махнув рулевому, легко спрыгнул с борта, не дожидаясь трапа, вслед за матросом, швартовавшим катер к причалу. Десять минут назад он простился со всей командой, с братишками-матросами, с любимым кораблем, стоящим на рейде. Пять лет службы прошли на этом корабле, который стал для него родным домом. Расставаться с ним было очень трудно.

В бескозырке, с разлетающимися за плечами лентами, в черном бушлате, он стоял на набережной Кронштадта, осыпаясь долетавшими до него брызгами разбивающихся о камни волн, сдерживая слезы. «Справедливый», кренясь на волнах, прощально покачивал из стороны в сторону антенными мачтами, прощаясь с ним навсегда.

После Кронштадта Василий поступал на физико-математический факультет Ленинградского университета. Он вспомнил собственные волнения во время сдачи экзаменов. На экзаменах его выручала морская форма, уважение к которой, как уважение к морскому военному флоту, оказывали все преподаватели на вступительных экзаменах.

Очнувшись от воспоминаний, Василий Иванович вздохнул, посмотрел на входную дверь, окинул взглядом аудиторию и подумал: «Наверное, я не прав! Эти парни проявили уважение к предмету. Судя по всему, неплохо подготовились к экзамену, но надо еще проверить, чтобы все было по справедливости».

Эта татуировка якоря эсминца, сделанная в кубрике на «Справедливом», всегда по жизни выручала его, напоминала о морской службе, морском братстве, корабельной дисциплине, где или побеждают, или погибают все вместе. И он всегда по жизни старался поступать так, как научил его в юности «Справедливый».

– Ответьте мне, коллега, вот на такой вопрос! – закончив рассматривать решенные студентом задания, произнес бывший моряк и отложил листы бумаги в сторону.

Михаил приготовился к худшему. Битый час профессор выяснял знание высшей математики сидевшего перед ним студента, задавая вопросы по всем разделам.

Остатки группы, сидевшие в аудитории, притихли. Как рассказывал потом Борис, он тоже загрустил, видя такую предвзятость преподавателя к другу. Он же будет следующим!

Сдавшие экзамен товарищи по группе то и дело открывали дверь, заглядывали, недоумевая, почему так долго профессор терзает Михаила.

Почувствовав, видимо, настроение аудитории и перебор во времени в отношении к неплохо подготовленному студенту, профессор, выслушав очередной ответ Михаила, молча взял в руки зачетную книжку, заполнил строку «математика» оценкой «удовлетворительно», протянул Михаилу и сказал:

– На четверку не тянешь! До свидания! Следующий!

Не веря, что все уже с этой секунды позади, Михаил медленно вышел из аудитории. В коридоре его обступили девчонки и парни из группы:

– Что случилось? Почему он тебя так долго спрашивал?

– Потом расскажу! – пообещал уставший Михаил. – Надо Борьку дожидаться!

Через десять минут из аудитории вылетел улыбающийся Борис.

– Ну что? – хором атаковали его уже уставшие ждать однокашники.

Михаил сидел чуть в отдалении.

– Мишаня, – рванулся мимо ребят к другу Борис, – у меня четвертак!

* * *

Вот так и закончилась эта история. Подготовка к экзамену по высшей математике пошла друзьям на пользу. Выдержав этот экзамен, они и в дальнейшей учебе относились к каждому предмету с полной отдачей. Они научились учиться и работать по-настоящему, ответственно. Не всем по плечу оказалась напряженная учеба в техническом институте. Из их группы, численностью тридцать человек, за пять лет по разным причинам учебу не смогли окончить семнадцать студентов.

Уважаемый профессор, заведующий кафедрой математики, выдержал свой экзамен, экзамен на человечность. Два года он ждал момента, чтобы поквитаться с обидчиками, но не сделал этого, доказав тем самым, что он настоящий мужик.

Нам всем в жизни рано или поздно приходится держать экзамен. Жизнь постоянно устраивает человеку экзамены, которые мы или сдаем, выходя из очередного испытания с честью, или, не выдерживая испытаний, скатываемся по наклонной без возврата.

2012 г.

Последний выстрел

Был обычный субботний осенний вечер. Они только что семьей вернулись из сада. Устав от огородных дел, Максим сидел в гостиной на диване, по привычке просматривая по телевизору блок новостей. Жена гремела на кухне посудой, стеклянными банками, разбираясь с урожаем огурцов, одновременно успевая следить за событиями на экране. Дочка сидела у экрана монитора, работая на компьютере, иногда уходя на несколько минут в свою комнату и возвращаясь обратно.

Вскоре, после новостей, начался фильм «Брат-2». Сегодня шел повторный показ, приуроченный к годовщине трагической гибели актера Сергея Бодрова-младшего, игравшего в фильме главного героя. На съемках нового фильма, на Кавказе, год назад его и всю съемочную группу накрыла снежно-каменная лавина, заживо похоронив в Кармадонском ущелье.

– Жалко его! – сказала жена, присев на краешек дивана с кухонным полотенцем в руках.

– Такой хороший парень!

– Да, мам! – поддержала ее дочь. – Он всем так нравился, даже не верится, что его больше нет! – она тоже подошла к телевизору.

Тем временем на экране главный герой по имени Данил, приехавший в Америку спасать старшего брата, задумал разобраться с местной мафией. В заброшенном здании он мастерил одноразовое ружье, распиливая старую водопроводную трубу, прилаживая ее к самодельному деревянному прикладу. Закончив с ружьем, он крошил коричневые спичечные головки на лист бумаги в одну кучку, затем, засыпая эту взрывоопасную смесь в ствол, добавлял сверху вместо пули еще порцию надкусанных плоскогубцами мелких гвоздей.

– Па! Что это он делает? Я давно хотела спросить, – дочка присела рядом. – Я знаю, что это стреляет! Он потом выстрелит в машине.

На экране Данил уже сидел на переднем сиденье в машине чикагских гангстеров, рядом с водителем, пряча ружье под полрой пальто.

– Вот сейчас! – встрепелась она. – Ой! Это ужасно! Я не хочу это смотреть! – дочка встала и ушла в кухонный проем.

На экране герой достал самодельный обрез, чиркнул по нему спичечным коробком и резко, неожиданно повернулся, направив ствол на торговца оружием. Яркая вспышка загоревшихся у основания обреза десятка привязанных к стволу спичек через секунду исчезла в грохоте выстрела и дыму. Сотня мелких обрезанных гвоздей, вылетев из ствола, пучком врезалась в темное лицо, разрывая кожу в клочья.

Максим выключил телевизор, встал, бросил пульт на диван и тоже прошел за кухонный стол.

– Дашуль! Знаешь, что это? – и, не услышав ответа, продолжил: – Это называется поджиг. У нас в детстве эта штука называлась поджиг. Были еще самопалы, но это поджиг!

Дочка подошла к столу.

– Принцип тот же, что у чугунных пушек, – продолжал объяснять ей Максим. – Помнишь, как в кино показывали? Сначала в ствол порох закладывают. Затем пыж. Потом ядро. А потом солдат с горящим фитилем подходит к пушке и прикладывает фитиль к стволу. Порох взрывается – и ядро улетает! Вот мы – также. Трубки с одной стороны расплющивали молотком и напильником, подпиливали рядом отверстие. Всё! Потом головки от спичек крошишь в ствол, спичку горящую к дырке поднесешь – и бабах! Поняла?!

– Пап! Да все понятно! Но у нас такого нет. Только петарды по праздникам, – ответила дочь.

– Ну, у нас другое время было! Шестидесятые. Ладно. Всё. Проехали! – он вздохнул и посмотрел на жену. – Лера! Может чайку попьем?

Размешивая сахар, Максим задумался и уже не слышал извечное замечание супруги: – Ну сколько раз тебе нужно повторять? Не стучи по кружке, Максим!

Мыслями он окунулся в далекое детство, вспыхнувшее в памяти яркой картинкой освещенного солнцем прозрачного соснового бора, растущего на склоне горы, и вида поселка под насыпью железной дороги, с крышами одноэтажных домов, уступами улиц, сползающих по склону горы к реке, на фоне плывущих вдалеке, в облаках, четырех вершин Таганая.

Железная дорога, начиная отсчет километров от столицы, пересекала страну с запада на восток, пройдя первую тысячу километров по равнине, прогремев вагонами поездов мимо металлических ферм моста через Волгу. К концу второй тысячи верст окружающий ее с двух сторон степной и равнинный пейзаж меняется на холмы и лысые сопки отрогов Уральских гор. Дорога постепенно врезается в горы, обходя бесчисленные, покрытые лесом хребты по насыпям, вырезанным на склонах гор или вдоль русла горных рек. Поезда петляют по горам, как по лабиринту, наматывая лишние километры, сбавляя ход на бесконечных изгибах рельс, осторожно, с протяжным воем тепловозного гудка входя в очередной крутой поворот, за которым машинистам не видно продолжения дороги.

Привыкшие к шуму железной дороги, жители поселка уже давно не обращали внимания на гудки электровозов, перекрывающие все звуки светового дня, пронзающие застывший над поселком воздух свистящими нотами в ночной тишине.

Огибая по загнутым рельсам каменистый выступ горной гряды, почти нависающий над железной дорогой срезом стены из необычно светлого гранита со вставками белого кварца, локомотивы, как корабли, входящие в гавань, ежечасно vyplывали из-за поворота, вытягивая следом за собой из-за скалы вагоны. Они тащили составы к железнодорожной станции, видимой в любую погоду на склоне противоположной горы. Эшелоны, уходящие из города на восток, в бескрайние сибирские просторы, давали свой прощальный сигнал на том же месте, у белой скалы, унося этот тревожный звук с собой, за поворот.

Под грохот проходящих грузовых и пассажирских составов поселок днями жил обычной жизнью и вечерами засыпал, убаюканный этой музыкой, словно шумом дождя, барабнящего по крыше в летнюю ночь.

Среди поселков, окружавших центр города с понятными исторически сложившимися названиями – Ветлуга, Демидовский, это поселение на склоне горы, начинавшей свой подъем от поймы речки Тесьма, с незапамятных времен в народе называлось Нахаловкой.

Максим проснулся от солнечного света. Он быстро поднялся и прошел по сухим, трескавшимся под его ногами стебелькам прошлогодней травы до дверей сеновала. Свежий утренний ветер ворвался в открытые двери, холодком пройдясь по коже, взьерошил все пространство дощатого строения под волнистой шиферной крышей. В широких полосах солнечных лучей, пробивающихся через щели между вертикально набитыми досками задней стены сеновала, как в кинотеатре от света кинопроектора, стала видимой мелкая пыль, поднявшаяся от сена. Максим спустился во двор по приставной лестнице, забежал в дом.

Все лето он на каникулах жил у деда с бабкой. Деревянный, срубленный дедом дом стоял на второй улице от железной дороги. Старики держали корову, как и многие жители Нахаловки. Корова исправно доилась, давала много хорошего молока, которое бабка ежедневно продавала постоянным покупателям. Держали кормилицу под сеновалом в «катухе», так дед называл коровью жилплощадь, по соседству с десятком кур.

Каждое утро, с весны до октябрьских холодов, поселок просыпался от утреннего песнопения поселковых петухов, перекрикивающих друг друга. Через полчаса после петушиного концерта к ранним звукам рассвета добавлялось хоровое мычание коров. Буренки после утренней дойки, покидая тесные теплые стайки, выходили из ворот в сопровождении хозяек, вытягивали шеи и издавали протяжное «му-у-у!», затем шли по улицам, спеша на зеленые поляны соснового леса, где их ждала подросшая за ночь свежая, умытая росой трава. Стадо собиралось

большое. По окончании долгого летнего дня в свете бордового заката нагулявшиеся на лесных полянах буренки, тяжело дыша раздувшимися боками, возвращались домой. Медленной, усталой походкой, под шелканье кнутов двух пастухов, они шли в поселок, выбивая копытами сухую летнюю пыль. На подходе к поселку коровы выплывали из пылевой завесы, сопровождая свой выход звоном колокольчиков, висящих на шеях черно-белых и рыжих красавиц. Хозяева ждали своих кормилиц, окликая их по именам, встречая усталых тружениц кусочками хлеба с солью. Стадо острым клином, в центре которого в сопровождении пастуха шел огромный лобастый бык, плавно вливалось в поселок, растекаясь по улицам, постепенно рассасываясь по дворам.

Поддразнивая бабулю, Максим обычно балагурил, приговаривая: «Жили-были дед да баба, ели кашу с молоком!» – сидя за столом на кухне, уплетая приготовленную бабушкой гречневую кашу, залитую парным молоком.

Все дни летних каникул Максим проводил в компании двух друзей, двух соседей, братьев Коряковых, живущих в доме напротив. Старшего звали Николай, но Максим слышал это имя только при обращении к Кольке его родителей. Младшего все звали Толястик, как на улице, так и дома. У круглолицего, рыжего, с веснушками на щеках Кольки была прилипшая к нему намертво кличка Хмырь. Как и когда прилепилось к нему это прозвище, он и сам уже не помнил. В этом году ему исполнилось пятнадцать лет. Их мать, уходя с отцом на работу, оставляла ему деньги для покупки в магазине хлеба и других продуктов, а также поручала небольшие обязанности по дому: полить огород, прополоть, приглядеть за курами, чтобы не забежали ненароком в этот самый огород.

Толястик был полной противоположностью брату. Младше старшего на три года, он имел светлые волосы, был худым и слабым.

День начался как обычно. Максим выкатил из дома велосипед и спустился по склону к дому Коряковых, распугав при торможении копошащихся в пыли кур. Минут через десять вся компания была в сборе. Видимая с горы гладь городского пруда манила своей прохладой, и, запрыгнув на велосипеды, они укатили к причалу стадиона.

Речные трамваи в рабочие дни начинали курсировать из центра города на расположенный на противоположном берегу пруда стадион с пяти часов вечера. До этого времени можно было спокойно нырять с высокого причала, с разбега входя головой в воду или врезаясь в зеленую водную гладь «бомбочкой», разбрасывая брызги, долетающие до безлюдного в это время причала.

Нанырявшись до одури, они до обеда провалялись на горячем песке, изредка забегая в воду, чтобы охладиться. После купания хотелось есть. Забегав в воду последний раз, они стали собираться домой. Колька-Хмырь вытащил из кармана брюк, обрезанных по колено, пачку «Примы» и, открыв ее, достал сигарету, приклеив ее к нижней губе. Прохлопав рукой по всем карманам лежащих на песке брюк, не найдя спичек, он повернулся к Толястику:

– Ты спички взял?! – строго спросил он у брата, бросив тому на спину легкий горячий камушек.

– Ай! – воскликнул тот, заводя руку за спину, пытаясь смахнуть палящий кожу камень.

– Ну взял – и что?! – он повернулся на бок, тряхнув плечами. – Дай сигаретку, – добавил он, увидев сигарету у Кольки во рту.

– Обойдешься, салабон! Спички давай!

Увидев открытую пачку сигарет, Толястик понял ее происхождение:

– Отец увидит – он тебе даст!

– Не увидит, если ты не продашь! Когда он пересчитывал? Ты дашь спичек или нет?!

– Нет их у меня! Кончились! Я их утром все искрошил! – начал оправдываться младший. – Поджиг зарядил! Думал, пальцем по дороге, – добавил он.

– Макс! Посмотри на этого балбеса! Поджиг зарядил, а чем поджигать его – башкой своей не подумал. Пострелять собрался! – он поднялся на ноги, сплюнул в сторону со злости и пошел прикурить сигарету к сидевшему на песке недалеко от них мужчине, дымившему папиросой. Вернувшись, Колька уже миролюбиво обратился к младшему:

– Толясь! Давай пальнем, пока сигарета не потухла! Проверим, че ты там зарядил.

Толястик спорить с братом не стал и снял с багажника велосипеда сверток, завернутый в тряпку. Развернул и передал старшему деревянный пистолет с прикрепленной к стволу сверху стальной трубкой, замотанной вокруг ствола синей изоляцией.

– Чем зарядил?

– Шарик там. Чтоб он не укатился, я его пыжом сверху закрепил, – со знанием дела пояснил Толястик.

– Каким еще пыжом? Где ты войлок-то взял? Пыжом! – Хмырь, передразнивая брата, заглянул в трубку, направив отверстие против солнца.

– Ватой забил, что ли?! – спросил он, разглядев в темноте ствола белое пятно.

– Что тебе не нравится?! – вспыхнул Толястик. – Не хочешь – не стреляй! Я сам стрельну!

– Ладно! Пойдем, по щиту пальнем! – Колька шагнул в сторону выхода с территории пляжа, где стоял фанерный щит с правилами купания. Максим и Толястик, одеваясь на ходу, потянулись за ним.

Не доходя до щита пяти метров, Хмырь прицелился в центр плаката, затянулся и поднес ярко пылающий окурок к прорези в трубке. Выстрел прогремел неожиданно. Дружно вспламенившиеся в канале ствола головки спичек с грохотом выдали сноп пламени и с огромной скоростью выплюнули из трубки запыженный Толястиком в ствол металлический шарик вместе с лохмотьями горячей ваты. Звука треснувшей фанеры они не услышали, но, дружно подбежав вплотную к щиту, увидели результат стрельбы в виде конкретного круглого отверстия с торчащими осколками щепы.

– Весь коробок искрошил? – подводя итог стрельбы, уточнил у брата Хмырь.

– А че? – настороженно спросил Толястик, остерегаясь подвоха или критики.

– Да нет, ниче. Нормально. Больше этой нормы не заряжай. Понял? На! – и протянул брату самодельное оружие.

– Да понял, понял, – проворчал Толястик.

Через пару минут они, что есть силы, крутили педали велосипедов, в очередной раз соревнуясь в скорости на пыльной дороге.

К приходу родителей братьям нужно было заняться делами на огороде. До пяти часов вечера друзья расстались.

Максим, поев крошки, сделанной бабушкой на домашнем квасе, сбегал в малинник, где со вчерашнего дня уже созрели красные и желтые ягоды, вернулся во двор и закрылся в дедовской столярной мастерской. На верстаке лежала готовая деревянная заготовка в форме пистолета. Максим еще накануне вечером закругленной стамеской выбрал из верхней грани пистолета полукруглый канал. Трубка по диаметру подходила и плотно прилегала к деревянной заготовке; правда калибр оружия получался больше, чем у Толястика, но другой трубки Максиму найти не удалось. В течение двух часов он, увлеченный работой, расплющивал конец трубки молотком на наковальне, распиливал треугольным напильником прорезь для поджигания заряда. Пришлось сбегать к соседям за синей изоляцией, и к пяти часам его поджиг был готов.

Максим вышел на улицу, огляделся. Пацаны находились у соседнего с ними дома, стоявшего в проулке, где жила семья Кольциных. Максим подошел к собравшейся компании. На краю дороги стоял мотоцикл «Ковровец» с разобранным мотором. На траве, на постеленной мешковине, лежали разобранные запчасти. Братья Кольцины, устроив перерыв в работе, курили.

Старший Борис, шатен среднего роста, был молчалив и немногословен. Буквально на днях пришедший из армии, он был в зеленой армейской рубашке с закатанными по локоть рукавами. Он курил и слушал монолог младшего брата.

Младший же, Вовка, был полной его противоположностью: балагур и весельчак. Загорелый, с голым торсом, с перебинтованными головой и правой рукой, висящей на повязке, он держал в левой сигарету, то и дело глубокими затяжками раскаляя ее докрасна. Ни одна драка в поселке не обходилась без его участия. Их пожилой отец, отставной старшина-пожарный, уже ходил к городскому военкому, прося ускорить призыв сына в армию. Вот и сейчас Кольцин-младший, отчаянно жестикулируя, рассказывал свои последние приключения. Разобранный мотоцикл сиротливо стоял в стороне с раскрытым с левой стороны двигателем. Остатки отработанного масла стекали с алюминиевых стенок и собирались в одной точке, капая в черную лужу, растекающуюся по глинистой рыжей обочине.

Из открытых настежь ворот со двора Кольциных, натягивая цепь, не переставая лаял лохматый, довольно крупный пес. Своим лаем он не давал Вовке начать рассказ.

– Фу! На место! – прикрикнул на него Борис, но собака, не реагируя на команду недавно появившегося молодого хозяина, продолжала сотрясать воздух громким лаем.

Вовка Кольцин уговаривать непослушного пса не собирался. Подобрал с земли небольшой, но увесистый камень, он метко запустил его здоровой рукой в собаку.

– Вот, блин, пустобрех! Заколебал уже! На хрена его отец подобрал?!

Отскочивший от площадки двора камень на взлете вскользь задел серую пятнистую шкуру. Этого было достаточно. Пес, гремя цепью, забежал в конуру.

– Ты знаешь, что он двух курей задавил? – спросил Вовка Бориса.

– Да! Маманя, как приехал, жаловалась! Ладно, рассказывай. Кто тебя отметелил?

– Я вчера в ДК железнодорожников вечером забурился. Думаю, посмотрю, потопчусь, может, кого своих встречу. Встретил! – Вовка сделал паузу, выдыхая струю белого дыма.

– Всё вроде ниче. Пригласил одну. Потанцевали. Тут перерыв. Кто – на улицу, кто – в туалет. Ну, думаю, тоже зайти надо. Зашел. Только зашел – в спину толчок такой, я аж метров на пять вперед проскочил. Поворачиваюсь, смотрю – стоит один кент в форме машиниста. Железнодорожник. Черненький такой! Я на него посмотрел, прикинул: «Ну, по комплекции такой же, как я! Щас я его зашибу!» – Вовка затушил остаток сигареты и продолжил: – А он, оказывается, с претензиями. Девушку его, мол, зачем пригласил?! Типа если еще раз к ней подойдешь, то... Ну, думаю, козел! Я ему и договорить не дал! Загнал его в дальний угол, к окну! Раза четыре хорошо попал! Нос разбил! Губу тоже! От долгого рассказа у Вовки пересохло в горле, и он, нагнувшись, достал из травы бутылку газировки.

– Вован! Че дальше-то?! – не выдержал Хмырь.

– Уф! – выдохнул Вовка, выдув полбутылки воды одним махом. Забинтованной рукой он вытер разбитые губы и продолжил: – Ну, думаю, хорош с него. Пора смываться отсюда. А то, не дай бог, дружков соберет, а я – один! – он сплюнул смачно на землю.

Тут только Максим заметил, что у Вовки нет двух передних зубов.

– Только подумал, поворачиваюсь на выход... мне как-а-а дали! Я на этого машиниста и улетел! Короче. Он сзади, двое спереди! Все! Повалили! Потом пинали, гады! На левом боку лежал калачиком, правой закрывался! – он приподнял в доказательство руку: – На пальцах кожу сам об его зубы содрал, а рука вся синяя.

– Ладно, хоть башка твоя целая осталась! В военкомате на комиссии попросишь, чтобы зубы вставили, – оборвал рассказ младшего Борис. – Хорош языком болтать! Тащи канистру. Промыть надо все.

Вовка пошел во двор дома и принес канистру с бензином. Работа закипела. Толястик и Хмырь помогали соседу, промывая запчасти, протирая каждую насухо ветошью.

– Борь, прокатишь, а? – уже два раза подступал к Борису Кольцину Толястик.

– Заведется – погоняем!

Вовка Кольцин подсел к Максиму, сидящему на бревнах, сложенных перед домом, давно ошкуренных, потемневших от дождей, но по какой-то причине не востребованных до сих пор для строительства. Горка сосновых кругляков была местом постоянного сборища молодежи. Проживающие в соседних домах старики хоть и ложились спать по крестьянской привычке после захода солнца, но претензий к вечерним шумным компаниям не предъявляли.

– Это чей такой пугач?! – Кольцин крутил в руках деревянный пистолет, обнаруженный им в складке бревен. Максим молча кивнул в сторону Толясика, вытирающего тряпкой промасленные руки.

– Мой, – отозвался на вопрос Толясик.

Понюхав ствол, Вовка спросил:

– Похоже, уже шмалел из него?

– Сегодня пробовали! Хмырь сам проверял. Слышь, Хмырь! Скажи, что все нормально!

– обратился он к старшему брату.

– Фанеру с пяти метров пробивает! – поддержал тот брата.

– Зарядить только нечем. Спичек дома больше нет. Хмырь на свой поджиг все спички перетаскал. Отец вчера орал уже. Прикурить было нечем! – посетовал Толясик.

– Лови! – щелчком большого пальца Вовка подкинул коробок вверх. Толясик лихо поймал коробок одной левой.

– Ох, пацаны, добалуетесь вы со своими самопалами! – закуривая и рассматривая Толясиков поджиг, подошел к брату Борис. – У нас в полку за три года пять самострелов было.

– Да че там! – опять вступил в разговор Колька. – Это ж – пукалка! Далеко не бьет! Я видел – Черкизов Лёха трубу отпиливал. Полметра. Вот это будет ствол!

Через полчаса мотоцикл был собран. После первых двух неудачных попыток «Ковровец» завелся и, выпустив из трубы сноп сизого дыма, затарахтел ровно и надежно.

Услышав шум мотоцикла, из дома вышла тетя Дуся.

– Борис! – обратилась она сыну. – Хлеба купить надо. Съезди в магазин, – она протянула сыну кошелек.

– Ладно, мать, убери деньги! Сами все купим, – крикнул матери Вовка, доставая из кармана зеленую трешку. – Возьми пару бутылок портвейна! – шепнул он брату. – Я бы сам поехал, да не удержу!

Толясик уже забрался на заднее сиденье.

– Черкизовым скажи, пусть сюда подгребают! Понял?! – сказал ему Кольцин-младший.

Магазин находился на соседней улице, расположенной ниже по склону. На подходе к магазину, с улицы, его двухэтажное здание, возвышаясь над соседними одноэтажными домами с потемневшими бревнами торцевых глухих стен, придавало улице унылый вид, но открывающийся следом фасад неожиданно выделялся огромными стеклами витрин в окантовке белых рам и высоким многоступенчатым крыльцом.

На этом фоне рядом стоящий небольшой дом Черкизовых с белыми мазаными стенами выглядел игрушечным. Казалось, что он здесь появился случайно и сам стесняется своих небольших, прижатых к земле окон, украшенных резными наличниками, стыдливо пряча их за кустами сирени и штакетником палисадника. Между магазином и палисадником в мае появилась площадка, отсыпанная желтым песком, с двумя вкопанными в землю деревянными столбами с металлической перекладиной. Благодаря братьям Черкизовым, соорудившим это спортивное сооружение, и соседству с магазином, где ежедневно появлялась поселковая шантрапа, площадка стала местом сбора пацанов всей улицы.

Братья Черкизовы, близнецы, как две капли воды похожие друг на друга, были одногодками Вовки Кольцина. Осенью они тоже ждали призыва в армию. В отличие от Вовки, курильщика и любителя выпить-погулять, братья были спортсменами. Небольшого роста, коренастые,

они не первый год занимались борьбой. Готовясь к армии, дома дополнительно занимались силовой гимнастикой, накачивали мускулы. Столбы турника ходили ходуном, когда братья по очереди демонстрировали бьющим баклуши на каникулах пацанам «склепки», подъемы переворотом и даже «солнце». По примеру братьев пацаны с окрестных домов начали осваивать турник, приобщаться к спорту. Вечерами братья иногда, при большом скоплении народа, устраивали показательные бои, демонстрируя приемы самбо. Добровольцы, рискнувшие с деревянными ножом или пистолетом напасть на братьев, летали по воздуху и каждый раз оказывались поверженными на землю.

Никто теперь уже и не помнил, кто первым пришел на вечернее самбо с поджигом, но в тот вечер деревянный пистолет с металлической трубкой сразу привлек внимание братьев-борцов. После проведенного приема под названием «мельница» новое оружие оказалось в руках Лешки Черкизова. Через полчаса на спортплощадке уже прогремел пробный выстрел, и в сером, потемневшем от дождей и от времени дощатом заборе магазина появилась первая дырка от стального шарика из разбитого подшипника.

Прогремевший в вечерней тишине выстрел пробудил в головах мальчишек страсть к изготовлению оружия. Что толку в деревянных пистолетах и автоматах?! Сколько можно кричать, стреляя из деревянного оружия, имитируя звуки стрельбы! Нужно, чтобы оно стреляло! Поджиг! Вот настоящее оружие! Оглушающий звук выстрела, от которого неведомая сила отбрасывает руку с пистолетом назад, от которого вздрагивает в страхе и восторге все тело! Запретное и недоступное ранее развлечение. Выстрел! Это каждый раз то непредсказуемое и неожиданное, что влечет к себе непреодолимо! Чувство удовлетворения от точного попадания в цель нельзя описать словами, передать весь спектр ощущений и красок возникающего первобытного восторга.

То, что раньше можно было видеть только в кино и слышать по рассказам отца или деда, можно сделать самому: и с пламенем и грохотом разносить в щепки фанеру мишени, стрелять по земле, поднимая фонтанчики пыли, как в настоящем кино. Игры в войну, где все, как правило, были «наши» и совсем мало было желающих быть «немцами», кончились на улицах поселка сами собой, и незаметно. Новое увлечение было гораздо серьезнее, взрослее и по-мужски опаснее. Да и как не поддаться этому увлечению?! Каждый второй из родителей, живущих в поселке, работал на заводе, и их руки ежедневно вытачивали на станках детали к сотням мин, снарядов и патронов. И хотя на вопросы детей, что они делают на работе, родители отвечали уклончиво, так как об этом говорить было запрещено, пацаны в поселке знали, что, кроме выпуска электроплиток и утюгов, на заводе куется оружие. Город оружейников своей аурой, гулом цехов завода, вооружавшего пушками, штыками и шашками из булатной стали армию России на протяжении трех веков, на уровне подсознания оставлял в головах подрастающего поколения любовь к оружию.

Пока Максим с Хмырем помогали Вовке относить в сарай инструменты и канистру с бензином, Борис с Толястиком вернулись из магазина. Прихватив из дома пару граненых стаканов, Вовка позвал всю компанию на бревна. Толястик запрыгнул на «Ковровец», стоящий с наклоном на откинутый упор, ухватившись обеими руками за руль. Максим с Хмырем залезли на верхний ряд бревен. Вовка откупорил бутылку портвейна и разлил по стаканам:

– Ну, давай, брат! За твое здоровье! – он протянул руку, звонко чокнувшись с Борисом.

– Ты о своем здоровье подумай сначала! Балабол! – ответил Борис, выпив полстакана теплого темного портвейна.

– Толястик! Черкизоны дома?! – крикнул Вовка в спину Толястика.

– Да, сейчас придут! – вместо Толястика ответил Борис.

В это время во дворе серый пес, выглядывая из будки, внимательно наблюдал за появившейся во дворе курицей, вспоминая, каким образом он оказался во дворе этого дома.

Месяц назад, когда он бродяжил по поселку в поисках чего-нибудь съедобного, судьба повернулась к нему лицом в виде мужика, вышедшего из магазина с авоськой, нагруженной хлебом и колбасой. Голодный, он поплелся за этой авоськой по весенней грязи, не в силах оторваться от дурманящих запахов. Желудок сводило от голода. Он сглатывал бьющую фонтаном из-под языка слюну, но все равно она стекала по краям из пасти, напитывая шерсть на бороде влагой. Так он и приплелся за авоськой и черными резиновыми сапогами до углового дома в проулке. Собаки во дворе дома не было, поэтому он почувствовал себя в безопасности. Желтые метки собачьей «переписки» на углу проулка он прочитал на расстоянии. У него был отличный нюх. Все желтеющие, продырявившие белизну подтаявшего снега «записки» были оставлены пробежавшими на днях по этой улице такими же, как он, собратями-бродягами. У прилегающей к дому территории хозяина пока не было. Свободная вакансия давала шанс занять маленький домик с соломенной подстилкой и полный пансион в виде двухразового питания. Все-таки он молодец, что не подкрался тогда сзади к источающей мучительные запахи авоське и не сунулся в нее мордой. Он остановился в двух метрах от ворот, и человек, закрывая калитку, наконец-то заметил его. Он и сейчас помнит слова, которые и решили его судьбу. «Ты смотри! Смышленный!» – с удивлением сказал мужчина, одобрительно качнув головой.

Калитка закрылась. Он сел на задние лапы и упорно ждал, не двигаясь с места, да и сил у него уже не было. Для того чтобы вернулись силы, ему нужно было найти где-то сухое место, заполнить желудок хотя бы водой из лужи – все-таки какая-никакая еда – и отлежаться.

Он не помнил, сколько времени он тогда сидел напротив калитки. Солнце согрело его морду и лоб, и он грелся под благодатными лучами, в забытии, почти засыпая от усталости. Можно было бы и прилечь, но, если бы он улегся здесь, у этого дома, это было бы крайне невежливо, а он был воспитанный пес, выросший в приличном доме.

...Это было сказочное время. Он был совсем молоденьким и жил во дворе дома, свободно бегая по нему. В холода его пускали ночевать в дом, где он спал безмятежным сном на коврик, не вздрагивая от ночных шумов на улице. Хозяйка жила одна и готовила для него кашу, сдабривая ее иногда мясом из консервных банок. Мясо она покупала редко, но все же иногда ему попадали вареные косточки.

Неприятности начались с приходом лета. С наступлением тепла хозяйка стала выпускать из-под крыльца во двор больших белых птиц, принося им зернышки и кусочки хлеба, приговаривая при этом: «Цыпа, цыпа, цыпа!» Птицы ходили по двору, шумели, кричали что-то друг другу, хлопали крыльями и совсем не обращали на него внимания. И однажды, когда он ел из чашки кашу, белая птица подошла к нему, стала клевать его кашу и затем сильно клюнула его в нос. Было очень больно. Он спрятался в своей будке: скулил от боли и до конца дня языком зализывал свою первую в жизни рану. Но он не забыл полученного урока.

На другой день хозяйка наполнила его миску кашей и почти сразу выпустила во двор этих надоедливых птиц. И вот та же белая птица опять подошла к нему, наклонила свой красный хохолок вниз, собираясь съесть его кашу и снова клюнуть в нос. Нет! Слишком сильна была обида, нанесенная вчера. Он грозно зарычал. Глупое пернатое создание на его рычание возмущенно распушило крылья, разнося по двору: «Кудах-тах-тах», и продолжило движение к его миске. Приступ гнева собрал все его мышцы в один пульсирующий комок. Несушка только опустила голову, чтобы склевать кашу, как задние лапы оторвали пса от земли, и через долю секунды он в прыжке клыками впился в тонкую белую шею. В следующее мгновение он сжал челюсти и мотнул головой, выдергивая птичью голову из миски. Верхние и нижние ряды его зубов плотно сомкнулись, с хрустом превратив в крошево хрящи, мясо и перья. Белокрылое население двора дружно бросилось в панике наутек, толкая друг друга, вламываясь в открытые двери курятника, оставляя у дверей перья, когда он прямо на них потащил неожиданно тяжелое тело птицы, роняя капли крови из пасти, через весь двор к дому. Порядок во дворе был наведен. Он отчитался о своей работе, положив убитую птицу на ступеньку крыльца. Заложен-

ная в нем память предков-охотников напомнила ему, что добычу нужно отдавать тому, кто тебя кормит. Он честно выполнил свой собачий долг.

Но дело обернулось иначе. Добрая хозяйка, всегда ласково называвшая его «Шарик», была рассержена, кричала на него, затем исхлестала по спине поводком и привязала на цепь к будке, лишив его самого главного – свободы.

Через неделю все повторилось. Он расправился еще с одной глупой птицей, и хозяйка снова избила его. На другой день она взяла его на поводок, и они вышли из дома. Радостный, он весело бежал по улице, вдыхая незнакомые запахи, но прогулка оказалась долгой. Хозяйка затащила его в большой железный громыхающий дом со множеством сплошных стеклянных окон. В доме стояло много железных скамеек, на которых сидели люди. Этот дом сам бежал по незнакомым улицам быстрее любой собаки. Пол под ногами все время дрожал и подпрыгивал. Когда громыхающее чудище останавливалось, ему очень трудно было удержаться и не упасть на противно пахнущий огромный резиновый коврик. На этих остановках в стене дома то и дело с шипением открывались двери, хлопая металлическими створками друг об друга, и люди сходили по ступенькам на землю, и уже другие люди заходили обратно, принося с собой новые запахи с улицы. Так много людей он никогда не видел и не знал, надо ли ему лаять на них и защищать свою любимую хозяйку или не надо? Ему и самому было страшно от всей этой новизны, но люди разговаривали с хозяйкой доброжелательно, ему даже показалось, что они жалели его. Какой-то человек хотел даже погладить его по голове, но его руки несли на себе такие ужасные запахи плохой травы и противного белого дыма, что он вынужден был оскалить зубы и тихо зарычать. Ему дважды отдавили лапу, и он поскуливал от боли, но все-таки больше от страха перед этим железным домом, который еще к тому же иногда неожиданно и громко звенел, взвинчивая и так заведенные собачьи нервы до предела. Хозяйка больше не гладила его по голове и не жалела, а только иногда, когда он начинал скулить, неожиданно резко и грубо дергала за поводок, и ошейник больно врезался ему в шею. И ему от этого становилось грустно. Он пытался повилять хозяйке хвостом, чтобы она, как прежде, улыбнулась, но и тут у него ничего не получилось. Хвост задел ноги стоящих рядом людей, и они стали что-то громко выговаривать хозяйке, и она снова больно дернула его за поводок.

Вскоре хозяйка потянула его к выходу, двери с шумом открылись, и он выпрыгнул со ступенек на улицу. Обрадовавшись наконец твердой земле под ногами, он тянул ее прочь от железных длинных палок, лежащих на земле, по которым только что убежал ужасный железный дом. Потом они шли по скользкому железному мосту над большой шумящей водой и затем очень долго по узкому, сколоченному из досок настилу, где слева и справа квакали лягушки. Пройдя пойму реки, они поднялись по склону горы на самый верх, и он устал и не вилял больше хвостом, как утром, выйдя из дома, демонстрируя хозяйке свое удовольствие от прогулки.

Они пришли наконец к старенькому низенькому дому. Хозяйка привязала его к крыльцу и вошла в дом. В этом дворе никогда раньше не жили собаки, и поэтому не было даже собачьей будки. Судя по запахам и звукам, здесь не было и птиц. На крыльце он обнаружил только несколько черных кошачьих волосинок с седым окрасом на кончиках, оставленных живущим в доме старым котом. Хозяйка вышла из дома через несколько минут с каким-то мужчиной. На вопрос мужчины: «Как зовут?» – она ответила: «Шарик!» – и ушла, даже не попрощавшись.

Так он стал жить с другим хозяином: мужичком-старичком. Приходила зима, затем таял снег, и во дворе становилось невыносимо жарко от палящего солнца; и снова приходила зима, и так повторялось несколько раз. Он жил во дворе все время один, гуляя по двору, коротая ночи на коврике, на крыльце. Хозяин кормил его совсем плохо и иногда совсем забывал это делать. Тогда он начинал громко лаять, и хозяин вспоминал о нем, выходил на крыльцо, высыпал еду в миску и говорил: «Ешь, Шарик, ешь! Жизнь у тебя собачья! Да и у меня тоже!» От хозяина всегда плохо пахло. Пахло, как от пустых бутылок, стоящих рядами здесь же, в коробках, на крыльце.

Но вот однажды хозяин не вернулся домой. Была зима. Пролежав на крыльце на коврик несколько дней, он, дрожа от холода и голода, вылез из-под ворот на улицу и побрел вдоль домов на запах еды. Наплутавшись по всему поселку, он сел на время у магазина, и вот теперь оказался здесь, в этом дворе. Птицы... Опять в его жизни появились эти проклятые создания! Ему снова пришлось отстаивать свои права хозяина двора. Он проучил уже двух белокрылых наглушек и был за это бит хозяином. Птиц переселили за железную сетку, но вот сегодня перед его глазами появилась еще одна, очередная, но не белая, а рыжая бестия! Откуда она взялась?!

Рыжая пеструшка, неизвестно как появившаяся во дворе, шагала по-хозяйски по грязному плитняку, что-то склевывая на ходу с темных полосок земли между камнями. Пес начал беспокоиться, когда заметил, что курица, скосив глазом, взяла прямой курс на его большую алюминиевую миску. Продолжая стучать клювом по камням, она подходила к ней все ближе и ближе. Подойдя к собачьей посудине, пеструха, подняв голову, оглянулась по сторонам, сделала осторожный шаг вперед и, издав довольное: «Ко-о-ко-рок-ко-ко-ко-ко!» – заглянула в миску. Застывшие на засаленном краю миски крошки хлеба привлекли ее внимание, и она, не раздумывая, клюнула первую крупную крошку и сразу вторую и третью! Удары клюва по алюминиевому краю пустого тазика прозвучали во дворе, как колокольный звон.

Нервы собаки не выдержали. В одно мгновение пес с грозным рычанием выскочил из своего укрытия. Пеструшка бросилась наутек, всполошив своим истошным кудахтаньем всех своих беленьких и рыженьких подруг, находившихся в сетчатом вольере. Пес догнал курицу на втором прыжке, прихватив сзади за шею. Челюсти собаки сомкнулись, пеструшка затрепыхалась и затихла, испустив дух. В вольере к несусветному гвалту куриного крика добавился шум и хлопанье десятков крыльев, поднявших с земли клубы сухой пыли вперемешку с облаком белого пуха и перьев. Услышав в открытое окно поднявшийся куриный переполох, из дома выбежала хозяйка, и пес был застигнут на месте преступления с добычей в зубах – с безжизненной куриной тушкой.

– Да что ж это такое делается-то! А!? О-о-ой! Лишенько мое-е-е, лишенько! Да чтоб ты сдох! Паразит! Вот парази-и-ит! Третью несущку задавил! О-о-ой! – запричитала она с крыльца.

Пес хотел было, как обычно, положить убитую птицу на ступени крыльца, но по крику хозяйки, почуяв неладное, покрутился возле будки и, высоко подняв голову, не отпуская из зубов добычу, бросился за угол сарая, ища укрытия, с целью скрыть следы преступления. Его очередное появление перед сеткой куриного вольера и вид неживой подружки в зубах вызвали очередной взрыв неистового шума в курятнике.

– Иван! – заголосила хозяйка, обращаясь к главе семьи в открытые двери дома. – Да иди ж ты сюда, наконец! Полюбуйся на своего паразита! Пеструшку задавил твой поганец! Ой-е-ей! Ирод проклятый!

Она поднимала руки и опускала их, хлопая себя по синему рабочему фартуку. Руки ее были в муке, и от этих шлепков на фартуке оставались белые отпечатки.

Пес опять заметался по двору и кинулся обратно к своей будке, пытаясь протаскать добычу через узкий лаз.

Дядя Ваня, бросив недочитанную газету, выскочил на крыльцо, успев только поднять на лоб очки в темной роговой оправе, с привязанной сзади к ушкам оправы белой резинкой. Увидев забирающегося в будку пса и задушенную курицу, он, недолго думая, схватил из лежащих на крыльце дров первое попавшееся под руку полено и швырнул его в собаку.

Полено угодило в стенку будки над лазом, вызвав звуковой резонанс, который напугал собаку еще больше, чем прямое попадание. Пес отскочил в сторону и с испугу наконец-то выпустил из зубов изжеванную шею пеструшки. Безжизненная тушка упала рядом со злополучной алюминиевой миской. Голова бедолаги с красным хохолком задела край посуды, выдав ударом клюва по металлу последнюю прощальную ноту: «Дзинь-нь!»

– На черта ты его прикормил! Ирода! – продолжала разнос тетя Дуня, расходясь в своем гневе не на шутку. – Вона ж тильки и треба жрать и жрать! Да курей давить! Геть его со двора, чтобы мои очи его больше не бачили! – от волнения она перешла на смесь русского и родного украинского языка.

– У-у! Идол тебя поднял! – поддержал он супругу, направляясь к собаке с очередным поленом в руках, загоняя ее в будку.

– Что там за разборки?! – Борис в три прыжка спустился с откоса дороги к воротам дома.

– Мать! Ты чего тут разгон устроила?! – Он подошел к матери, так и стоявшей на крыльце.

– Что случилось?!

– Вона! Подывись, сынок! Вона моя хохлатка задавлена! – тетя Дуся показала в сторону задавленной курицы и затем махнула с отчаянием. – Куды хотите девайте эту зверюгу! Чтобы я его больше не видела!

– Иван! – обратилась она вновь к супругу. – Голову-то хохлатке отруби, что ли! Ее ж щипать да потрошить надо! Не выбрасывать же! Ой, лишенько мое! Ой, лишенько!

– На кой ляд ее рубить-то! – сообразил дядя Ваня. – Она и так уже того! Мертвее не бывает!

Он поднял курицу за голову и пошел к дому, волоча куриную тушку лапками по земле.

Во двор зашел Вовка, за ним братья Черкизовы. Вся бригада пацанов остановилась под козырьком калитки, заглядывая во двор.

– О-о! Батя курицу задавил! – пошутил Вовка, уже сообразивший, в чем дело.

– Шутишь все! Я тебе пошуткую! Ишь! Моду взял с отцом шутковать! – рассердился заведенный еще раньше руганью супруги отец.

Дядя Ваня плюнул в сердцах на землю, прошел со своей ношей мимо ребят и поднялся на крыльцо.

Вовка подошел к собачьей будке и присел на корточки, заглядывая в темноту собачьего убежища, пытаясь разглядеть собаку, оглядывая территорию вокруг будки, местами усеянную куриным пухом и перьями.

– Бать! Че делать-то будем?! – спросил более практичный Борис, поднимая с земли брошенное отцом полено.

– Дак куды ж его, мать его ети, теперь девать? – с крыльца вопросом на вопрос ответил отец, имея в виду несчастного пса. – Мать! На поленице твоя хохлатка! – крикнул он вслед уже зашедшей в дом супруге. – Сегодня ж надо ее ощипать! – добавил он в открытые двери дома и, повернувшись к сыновьям, сказал в сердцах: – Было б ружье, ребята, отвел бы поганца в лес и пристрелил бы! Ей-богу, пристрелил бы!

Дядя Ваня присел на верхнюю ступеньку крыльца, снял со лба очки и неожиданно громким голосом произнес:

– Ну! Что там у вас за курево? Дайте отцу закурить, мать вашу! Домой не хочу заходить! Дома на печке всегда лежал запас папирос «Беломорканал».

Борис протянул отцу пачку сигарет. Прикурив непривычную для себя «Приму», сплюнув табачные крошки, прилипшие к губе, Иван Исаич после глубокой затяжки, задумавшись о чем-то, тихо сказал:

– Лошадей и собак, ребятки, если что не так, обычно пристреливают.

Во дворе после произошедшей суматохи стало как-то непривычно тихо. Наступившую паузу нарушил пес, неожиданно заскуливший в будке.

– Гляди! Чувствует кобелина, чье мясо съел! – съязвил неугомонный младший Кольцин.

– Сынок! – обратился Иван Исаич к старшему сыну, понимая, что младшему такое поручение давать нельзя: – Сходи до Володьки Помазкина, поспрошай, сможет он стрелнуть нашего оглоода?! Бутылку мы ему с матерью поставим!

– Бать, ты че! Да Помазок твой керосинит уже неделю! Он со двора-то выйти не может! Да и лето! Не сезон! Может, и патронов нет. Тетя Маша, как он запьет, и ружье кому-то уносит на сохранку, от греха подальше!

– Ну, не знаю! – ответил отец. – Мало в Нахаловке охотников? Ищите!

Считая разговор законченным, старший Кольцин поднялся со ступенек и, кряхтя, зашел в дом.

– Пойдем, мужики! Посидим еще! – предложил Борис, обращаясь к братьям Черкизовым. Вся компания вышла со двора, чуть поднявшись наверх, на излюбленное место посиделок. Вовка Кольцин налил себе и брату еще по полстакана вина, подводя итог произошедшим во дворе событиям, произнес тост:

– Чтобы наш кабысдох поскорее издох!

– Пожалуй, что так, наверно, всем спокойнее будет. Раз батя так решил, – поддержал младшего Борис. – Ну, давай!

Они выпили и присели на бревна к парням, которые не вмешивались до этого момента в разговор. Толястик сдирал со спичек коричневые головки. Глядя на поджиг в руках Толястика, рассудительный и серьезный Лёха Черкизов взял слово:

– Слышь, мужики! А че! Давайте попробуем его сами из поджигала шмальнуть! Где сейчас двустволку искать?

– Как ты из него такую тушу завалишь?! Максимум из него кожу пробьет, а может, и в шерсти застрянет! Ни хрена ему от этого не будет! – возразил Борис.

– Слушай, че базар-то зря разводить! Давай слетаем до дома, я тебе наш обрез покажу! – предложил Лёха.

Борис молча мотнул головой в сторону мотоцикла: «Поехали!»

Через минуту мотоциклетный треск уже доносился через листву огородов, становясь все тише за домами нижней улицы. Подъехав к дому Черкизовых, Борис заглушил мотоцикл. Алексей, подняв внутренний засов калитки, зашел в дом.

Возвращаясь к дому Кольциных, Лёха ехал на заднем сиденьи, как казак на коне, держа в правой руке вверх стволом поджиг огромного размера. Спрыгнув с мотоцикла, Лёха подошел к сидевшим на бревнах парням, демонстрируя ружье.

– Я же говорил! Во! – первым прокомментировал оружие Хмырь, подняв вверх в знак восхищения большой палец.

Это было одноствольное ружье с укороченным стволом. Блестящая труба из нержавейки с толстыми стенками была закреплена на прикладе металлическими хомутами.

Максим тоже удивился огромному размеру поджига и решил, что покажет свое новое оружие друзьям завтра.

Вовка поднялся со скамейки. Здоровой рукой взял ружье за цевье.

– Тяжелое, блин! На сколько бьет? – спросил он братьев, возвращая Лёхе оружие.

– Не проверяли еще! – ответил Лёха. – Вчера только хомуты затянули!

Подошел Борис:

– Ну, что решаем, мужики? – спросил он, обращаясь больше к братьям Черкизовым.

Тут наступила очередь высказать свое мнение Лёньке:

– Да что говорить-то! Идти надо да пробовать!

Он взял у брата ружье, покрутил в руках:

– Дома же не проверишь! В лес собирались, чтобы людей поменьше было. Я хотел где-нибудь на горе к сосне мишень прикрепить.

– Ну, хорошо! А заряд какой мощности? А пули? Какой у вас калибр, замеряли? – вчерашний солдат Борис со знанием дела задал эти вопросы мастерам-оружейникам, братьям-близнецам.

– Порох сыпанем из патронов. Там же все завешено до грамма. Считай, заряд как для ружья! Ствол и больше выдержит! Под калибр семь шестьдесят два трубку и подгоняли. Какие вопросы? Лопату надо взять. За белой скалой на просеку если пройдем, где мишени биатлона стояли, там этих пуль, как семечек!

– Да вон у пацанов сто процентов пули есть! Хмырь! Толясик! Слышьте, что говорю? Гильзы, пули там копали?

Услышав утвердительный ответ, он еще раз переспросил:

– Еще не повыбрасывали?

Пока Хмырь чесал левой рукой свою огненно-рыжую копну волос на затылке, соображая, что ответить Черкизову, Толясик соскочил с бревна:

– Щас! Две у меня, кажись, остались! – и побежал в сторону открытых ворот своего дома.

Слышно было, как Толясик хлопнул входными дверями, залетая на бегу в темные сени, а в воздушном пространстве зависла пауза. Молчавший до этого второй близнец вдруг продолжил:

– Что все застыли-то? Сейчас надо решить, где патроны будем брать. Порох нужен. Хоть упаковку спичек искрошим, все равно толку не будет! Спички в стволе шомполом уплотнять надо. Плотности нет – и убойная сила не та.

В разговор вклинился захмелевший Вовка:

– Че тут думать-то! Щас мы к Помазкину сгоняем!

– Борь, заводи! Пару стаканов Помазку плеснем – и насчет патронов договоримся! – продолжил он, обращаясь к старшему брату.

– Если он их еще не пропил! – машинально ответил брату Борис и, тут же спохватившись, добавил: – Ну, ты, черт перебинтованный! Куда тебя опять понесло? Я что, буду смотреть, как ты с Помазком вино будешь распивать?! Да тебя самого потом оттуда не вытащить! Со стакана окосел уже! Сиди здесь! Понял?!

Шагнув в сторону «Ковровца», доставая из кармана ключ зажигания, он на ходу повернулся в сторону близнецов:

– Лёха! Поехали!

Полчаса ушло на подготовку. Борис с Лёхой привезли десяток патронов двенадцатого калибра, заряженных дробью, которые Помазкин отдал за три рубля, сдернув со шкафа запыленный патронташ. Братья рассовали патроны по карманам. Толясик принес две пули.

– Ну что, пехота?! Готовы? Стартуем через пять минут! – принял решение Борис, посмотрев на братьев, Хмыря и Толясика, сидящих на бревне.

Максим минуту назад убежал домой переодеться для похода в лес.

– Вован, пошли! Выводи собаку! На поводок его надо взять. Не цепью же по улице греметь! – сказал он, уже обращаясь к брату.

Во дворе нарушитель спокойствия утолял жажду после произошедших драматических событий. В кастрюле, стоящей сзади будки, у стенки сарая, со вчерашнего дня еще сохранилась вода. Пес лакал воду, опустив морду в глубокую посудину по самые уши. Пару раз, устраивая передышку, он поднимал голову, шумно дышал, раздувая в стороны свои серые, покрытые скатанной шерстью бока, отфыркивался и опять опускал пасть в кастрюлю, чавкая внутри ее водой.

Борис нашел в сенях старый сохранившийся брезентовый поводок. Выйдя на крыльцо, он свистнул брату, чтобы привлечь его внимание. Вовка повернулся.

– Лови! – он бросил поводок с крыльца. – Выводи давай! Я пока ботинки надену!

Вовка отцепил собаку с цепи и приладил к ошейнику поводок. Странное дело, но, увидев манипуляции молодого хозяина с поводком, пес завилял хвостом, тихонько повизгивая, выражал готовность к прогулке.

– Все! – Вовка дернул поводок в сторону калитки. – Пошли!

Пес понял, что от него требуется, и с удовольствием ринулся к открытой калитке, натянув поводок, потащив Вовку за собой. От рывка Вовка споткнулся, пробежав в наклоне несколько шагов, и чуть не упал посередине двора.

– Стой! – заорал он на пса. – Козел, блин! Стой, кому сказал!

Перехватив поводок ближе к середине, концом поводка он шлепнул пса по спине.

Из дома быстрым шагом, спрыгивая по ступеням с крыльца, вышел Борис.

– Смотри, как попер на прогулку, баран! – доложил ему младший брат. – Деру дал, аж чуть не уронил!

Немного странно выглядела эта идущая по улице разновозрастная компания. Трое подростков и трое взрослых парней шли, заняв всю ширину дороги, отставая от идущего впереди всех молодого человека, ведущего на поводке собаку.

Правильнее было бы сказать, что собака, натянув поводок, тащила его то вперед, то в сторону, внезапно меняя направление своего бега, дергая его, вынюхивая что-то для нее интересное, несмотря на окрики и ругань хозяина. Ошалевший от прогулки пес сновал то на левую, то на правую обочину, утягивая за собой хозяина. Перескакивая через кювет, он подбегал к столбам, камням, пенькам, заборам, обнюхивал предметы. Заканчивая знакомство с ними, он обязательно поднимал над обнюханным местом заднюю лапу, оставляя на поверхности метки из мокрых пятен. Вся компания, догоняя идущего впереди с собакой, во время их вынужденных остановок тоже притормаживала, терпеливо дожидаясь, пока пес закончит свои дела. Пес же, оставив сородичам послание, снова резво тащил хозяина вперед.

– Все, блин! Заберите его от меня! А то я его сейчас своими руками задушу! – взмолился Вовка, только что отшлепав собаку поводком по спине.

Пес понял, что хозяин недоволен и нужно подождать, понять, чего же он хочет. Собачьих меток в округе больше не было, и, стало быть, не было нужды отвлекаться по сторонам. Пес насторожился. Повернувшись мордой к лесу, раздувая ноздри, он профильтровывал долетавшие до него потоки воздуха. Настороженность вызывали новые запахи трав, ягод и незнакомых лесных обитателей. Он не чувствовал опасности от идущих с ним людей. Собачья чуйка молчала и не подсказывала ничего плохого о намерениях его хозяев. Собака чувствует, когда человек боится ее, и тогда она может напасть на него, и наоборот, если человек не боится, она подчиняется ему. Она считывает испугавшегося человека по замедленным движениям, изменившейся, неуверенной походке. Она почувствует опасность от человека крадущегося, приближающегося к ней с повадкой охотника. Любой пес-малолетка узнает ловца собак в человеке, просто идущем по улице, который хоть однажды поймал сородича петлей на палке и закинул в грузовую закрытую машину к десятку уже пойманных, несчастных собратьев. От этих людей за версту пахнет собачьей смертью. Над их головами, как в облаке тумана, который не виден людям, но виден любому щенку, летят души убиенных псов, которые предупреждают живых четвероногих, лающих, хвостатых собратьев: «Бегите! Спасайте свои шкуры!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.